
Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ Петербургѣ.

(Посвящается памяти М. С. Лалаева).

„О милыхъ спутникахъ, которые
нашъ свѣтъ
„Своимъ сопутствіемъ для насъ
животворили,
„Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
„Но съ благодарностію: были!
В. А. Жуковскій.

Золотой вѣкъ итальянской оперы въ Петербургѣ отошелъ въ область преданій, оставивъ по себѣ нѣсколько журнальных статей и мемуаровъ старинныхъ театраловъ. Не существуетъ и самаго храма итальянской оперы — Большого театра... Длинный рядъ благозвучныхъ фамилій знаменитыхъ итальянскихъ пѣвицъ и пѣвцовъ лишь служить этапами прошлаго, съ каждымъ годомъ говоря все меньше и меньше уму и сердцу русскаго интеллигента.

Больше того, въ нынѣшнее время, время изощренности вкусовъ вообще, многія изъ лицъ, причастныя къ музыкѣ, усвоили презрительно-насмѣшливое отношеніе къ итальянской оперѣ „золотого вѣка“, совершенно, однако, упуская изъ виду то, что итальянская опера той эпохи сослужила русскому театру не малую службу: по справедливому замѣчанію М. А. Балакирева, она была въ то время лучшею школою для русскихъ пѣвцовъ¹⁾.

Потомкамъ свойственно любовно и бережно относиться къ памяти своихъ отцовъ, ко всему тому, что такъ или иначе соприкасалось съ ними и, въ особенности, къ тому что говорило ихъ уму и сердцу.

¹⁾ Считаемо уместнымъ упомянуть, что, по словамъ гениальнаго Шопена, онъ ходилъ слушать пѣніе итальянцевъ со спеціальною цѣлью— оно облегчало ему игру на фортепьяно (Мориць Каразовскій—біографъ Шопена).

А итальянская опера „золотого вѣка“ много говорила сердцамъ нашихъ предковъ. Недаромъ Некрасовъ писалъ о Рубини:

„Когда игралась „Лучія“,
„Я пролилъ рѣки слезъ:
„На верхъ благополучія
„Пѣвецъ меня вознесъ!

Вспомнимъ прекрасно изображеннаго В. Б. Бертенсомъ.¹⁾ „amico della patria“, пламеннаго и безкорыстнаго энтузіаста, тратившаго на итальянскую оперу послѣднюю копейку въ продолженіе чуть ли не полувѣка.

Передъ глазами пишущаго эти строки лежатъ реликвіи, тщательно собранныя нынѣ уже покойнымъ страстнымъ театраломъ, поклонникомъ итальянской оперы и музыкальнымъ критикомъ 60-хъ годовъ. Вотъ пожелтѣвшій отъ времени носовой платокъ Бозио, ноты, полученныя на концертъ изъ ея рукъ, вотъ обрывокъ носового платка Тамберлика— трофеемъ послѣконцертной атаки на великаго артиста, обломокъ его гребенки, афиши, билеты, безчисленное множество портретовъ знаменитыхъ итальянцевъ съ ихъ подчасъ трогательными автографами, засохшіе цвѣты изъ ихъ букетовъ, цвѣты... съ ихъ могилъ. Это — именно реликвіи, предметы культа, мертвые памятники той живой силы, которая въ эпоху „золотого вѣка“ связывала такими крѣпкими нитями зрительный залъ со сценой.

Въ настоящемъ очеркѣ мы коснемся лишь трехъ наиболее выдающихся артистовъ того времени: Бозио, Кальцолари и Тамберлика.

I.

Б о з и о.

„Fille de la douleur, Harmonie! Harmonie!
„Langue que pour l'amour inventa le génie!
„Qui nous vint d'Italie, et qui lui vint des cieux!
Alfred de Musset²⁾.

Анжела Бозио родилась 20 августа (нов. стиля) 1829 г. въ Туринѣ, въ семьѣ драматическихъ актеровъ. Воспитывалась она въ Миланѣ, гдѣ и получила музыкальное обра-

¹⁾ В. Б. Бертенсонъ. „За тридцать лѣтъ“.

²⁾ „Дочь скорби, Гармонія! Гармонія!

„Языкъ, изобрѣтенный для любви гениемъ

„Которая къ намъ пришла изъ Италіи и которая туда пришла съ Небесъ!

зованіе подѣ руководствомъ профессора Монтаны. Здѣсь же она и дебютировала въ іюль 1846 года, почти 17-ти лѣтъ отъ роду, въ оперѣ Верди „Fosca“ съ выдающимся успѣхомъ ¹⁾.

Обладая не особенно сильнымъ, но мягкимъ, гибкимъ и мелодичнымъ лирико-колоратурнымъ сопрано, она упрочила за собою репутацію первоклассной исполнительницы въ рядѣ оперъ Россини, Беллини и Верди.

Увѣнчанная лаврами въ Веронѣ, Мадридѣ, Парижѣ и Лондонѣ, Бозіо въ 1856 году была приглашена въ Петербургъ, гдѣ и пѣла до 1859 года, начавъ съ партіи Джильды въ „Риголетто“ ²⁾.

Лучшія ея роли были въ „Пуританахъ“, „Севильскомъ Цирюльникѣ“, „Трубадурѣ“, „Фра-Діаволо“ и „Сѣверной Звѣздѣ“, но апогеемъ ея успѣха была „Травиата“. Роль Виолетты была создана въ Петербургѣ ею, и въ этой же роли Бозіо было суждено въ послѣдній разъ появиться на сценѣ ³⁾.

Приведемъ воспоминаніе музыкальнаго критика „Современника“ о ея исполненіи роли Виолетты. — „Ламентаціи Виолетты перестали уже очаровывать нашу публику, и въ послѣдніе годы „Травиата“ не привлекаетъ и трети тѣхъ, кто ни разу не пропускалъ этой оперы во времена Бозіо. Бозіо, напримѣръ, въ продолженіе всего 3-го акта оживлялась только въ одинъ моментъ, именно при встрѣчѣ съ Альфредомъ. Въ эту минуту слабая, разбитая горемъ, угасающая женщина какъ бы воскресала; вспомните, какимъ блескомъ разгорались ея влажные, впалые глаза, какъ вся она отдавалась внезапно охватившему ее чувству радости, какая безконечность счастья слышалось въ этомъ „Amato Alfredo!“ Затѣмъ лихорадочно-возбужденныя силы оставляли больную и оставляли безвозвратно; въ остальныхъ нумерахъ слышалась безысходная грусть, сердечная боль и тихая скорбь умирающей, но порывсвъ, сильныхъ нотъ, — конечно ужъ не было. Все это было глубоко-вѣрно, высокохудожественно. Да проститъ намъ читатель это воспоминаніе; мы знаемъ напередъ его возраженіе, знаемъ и вѣ-

¹⁾ По словамъ артиста Маріо, это онъ розыскалъ Бозіо и поставилъ ее на сцену.

²⁾ Въ томъ же 1856 году Бозіо пѣла въ Москвѣ во время коронаціи императора Александра II-го.

³⁾ Артистка, предчувствуя, говорила неоднократно, что роль Виолетты будетъ ея послѣднею ролью.

римъ, что такого соединенія души, ума, таланта, голоса, искусства и внѣшняго изящества, какъ въ покойной Бозіо, ни въ комъ даже желать нельзя, искать его — напрасно, требовать — непозволительно. И потому мы съ вами, слышавшіе великую артистку, съ теплымъ чувствомъ вспоминая *gli anni felici*, не будемъ никого съ нею сравнивать и отдадимъ должное другимъ¹⁾.

Собственно говоря, Бозіо не была красива, но въ высшей степени женственна и очаровательна; въ ней было то, что французы называютъ „*charme*“.

Нѣжная и хрупкая, она обладала большимъ драматическимъ талантомъ и чудодѣйственнымъ голосомъ, заставлявшимъ слушавшихъ ее плакать.

У нея было множество поклонниковъ, но поклоненіе это было чисто платоническое, такъ какъ Бозіо была женщина высокой нравственности. Извѣстный пѣвецъ Маріо, достаточно искушенный въ области закулисныхъ любовныхъ интригъ, не разъ умилялся, вспоминая Бозіо, и говорилъ о ней: „*ce n'était pas une femme, c'était un ange*“²⁾.

Къ числу наиболѣе горячихъ поклонниковъ Бозіо принадлежалъ преподаватель одного изъ петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній Н. И. Самойловичъ³⁾. Онъ неотступно слѣдовалъ за Бозіо, даже во время ея турнэ по Европѣ, и, не будучи съ нею знакомъ, былъ непремѣннымъ посѣтителемъ ея спектаклей и концертовъ. Увлеченіе Бозіо и самовольный отъѣздъ за нею за границу повлекли за собою для него потерю должности.

Бозіо была замужемъ; мужъ ея — грекъ Ксиндавелонисъ⁴⁾, чрезвычайно алчный къ деньгамъ, всячески экс-

¹⁾ М—Л—въ. Итальянская опера въ Петербургѣ. Сезонъ 1862—1863 г. „Современникъ“ т. ХСІV. Отд. II.

²⁾ „Это была не женщина, но ангелъ“.

³⁾ Никаворъ Ивановичъ Самойловичъ, впоследствии извѣстный публицистъ, скончался 7 октября 1902 года. Некрологъ его въ № 9557 „Нов. Вр.“ за 1902 г.

⁴⁾ Пользуемся случаемъ отмѣтить ошибки, допущенныя въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“. Тамъ напечатано: „Бозіо Анджіолина-Ксинда-Велокія“. Можно подумать, что „Ксинда-Велокія“ — два католическихъ имени. На самомъ дѣлѣ — это фамилія ея мужа Ксиндавелонисъ (*Xindavelonis*). Неправильно показанъ годъ рожденія — 1830, Бозіо родилась въ 1829 г. Невѣрна и дата ея кончины — 13 апрѣля 1859 г., — Бозіо умерла 12 апрѣля (нов. стиля) 1859 г.

Еще болѣе грубая ошибка въ датахъ допущена въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Ефрова — годъ рожденія показанъ 1824-й.

плоатировалъ ея дивный голосъ ¹⁾. По его настоянію, Бозіо слегка недомогавшая, въ первыхъ числахъ марта 1859 года поѣхала въ Москву, гдѣ дала три концерта ²⁾. Изъ Москвы Бозіо возвратилась въ Петербургъ съ воспаленіемъ легкихъ.

Во время болѣзни Бозіо толпа стояла у ея дома³⁾, ожидая извѣстій о состояніи ея здоровья. Три недѣли хворала Бозіо и скончалась 12 апрѣля (нов. стиля) 1859 года, на 30-мъ году отъ рожденія.

Она пошла въ вѣчное упокоеніе вдали отъ родины и погребена въ Петербургѣ на католическомъ кладбищѣ (на Выборгской сторонѣ).

Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи „О погодѣ“ посвятилъ Бозіо слѣдующія строки:

Вспомнили Бозіо. Чванный Петрополь
 Не жалѣдъ ничего для нее,
 Но напрасно ты кутала въ соболь
 Соловьяное сердце свое!
 Дочь Италіи! Съ русскимъ морозомъ
 Трудно ладить полуденнымъ розамъ,
 Передъ силой его роковой
 Ты поникла челомъ идеальнымъ
 И лежишь ты въ отчизнѣ чужой
 На кладбищѣ пустомъ и печальномъ.

Публика обожала Бозіо, и ея необыкновенно торжественныя похороны даже для Петербурга были событіемъ ⁴⁾.

Память о Бозіо долго жила въ сердцахъ ея поклонниковъ. Между прочимъ въ годовщину ея смерти 31 марта 1860 года ея почитателями армянами была отслужена по артисткѣ панихида въ армянской церкви на Невскомъ проспектѣ.

— „Грѣшно было бы намъ“, сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ на панихидѣ, „забыть артистку, которая въ продолженіе четырехъ лѣтъ была для насъ источникомъ высокихъ наслажденій и щедро дарила насъ лучшими, быть можетъ, минутами въ нашей жизни ⁵⁾“.

¹⁾ А. Я. Головачева-Панаева въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говоритъ о скупости Бозіо. Повидимому, этотъ упрекъ долженъ быть направленъ по адресу г-на Ксинадавелониса. Бозіо, не только какъ артистку, но и какъ человѣка, обожали за ея прекрасныя душевныя качества какъ публика, такъ и всѣ ея товарищи по сценѣ.

²⁾ Между прочимъ, въ своихъ концертахъ Бозіо исполняла русскіе романсы „Ахъ ты, время-времечко!“ и „Осѣдлаю коня“.

³⁾ Бозіо жила въ домѣ Демидова на углу Садовой и Невскаго.

⁴⁾ К. Скальковскій. Въ театральномъ мірѣ. Стр. XV.

⁵⁾ „Сѣверная Пчела“. 1860 г. № 79.

Одинъ изъ поклонниковъ Бозио, военный педагогъ Озембловскій, умирая въ чахоткѣ, взялъ съ друга своего М. С. Л—ва честное слово, что тотъ исполнитъ его послѣднюю волю—положить ему въ гробъ самую дорогую для умирающаго реликвию—когда-то полученныя имъ на память отъ Бозио ноты. Когда Озембловскій умеръ и Л—въ соби-
рался исполнить завѣщаніе друга, его остановилъ возмущенный ксендзъ, категорически воспретившій класть къ покойнику ноты, принадлежавшія „какой-то актрисѣ“. Заявленіе Л—ва, что актриса была католичка, хотя вѣ-
сколько и смягчило ксендза, но все же не поколебало его запрета относительно нотъ. Въ концѣ концовъ воля Озембловскаго все же была исполнена, и онъ почиваетъ вѣчнымъ сномъ въ нотахъ Бозио въ гробу.

Одно время въ большой модѣ былъ романсъ на смерть Бозио (музыка П. Булахова) „Ее ужъ нѣтъ!“ прекрасно исполнявшійся Тамберликомъ.

Ее ужъ нѣтъ! она сокрылась,
Она оставила сей свѣтъ,
Звѣздой падучей закатилась,
Ее ужъ нѣтъ, ее ужъ нѣтъ.

* * *

Ее ужъ нѣтъ, а я страдаю,
А сердце все болитъ по ней,
Ее ужъ нѣтъ—я это знаю,
Но слезы льются изъ очей ¹⁾.

На могилѣ Бозио ²⁾ ея поклонниками сооруженъ великолѣпный памятникъ, одинъ изъ красивѣйшихъ памятниковъ петроградскаго некрополя.

На высококомъ темносѣромъ мраморномъ кубическомъ постаментѣ возвышается дивно исполненная въ 1860 году во Флоренціи скульпторомъ Коста (Pietro Costa) черная чугунная группа: вправо на круглой колоннѣ стоитъ бюстъ Бозио. „Идеальное чело“ (по выраженію Некрасова) и классическія черты лица Бозио переданы превосходно. У под-

¹⁾ Этотъ же романсъ П. Булахова со словами Куликова на смерть актера Мартынова, „Его ужъ нѣтъ, любимца славы“, былъ исполненъ Тамберликомъ въ 1860 году на спектаклѣ въ пользу семьи покойнаго Мартынова.

²⁾ Могила находится въ участкѣ Св. Екатерины, влѣво отъ костела. На планѣ католич. кладбища въ книгѣ „Весь Петроградъ“ могила Бозио обозначена подъ № 3.

вожія колонны—лира съ оборванными струнами, свирѣль и раскрытая нотная тетрадь. Къ правому плечу Бозіо припала головою Музыка, изображенная во весь ростъ. Лѣвою рукою она обнимаетъ Бозіо и этою же рукою держитъ у лѣваго плеча артистки лавровый вѣнокъ. Въ правой опущенной рукѣ Музыка держитъ свитокъ нотъ.

На колоннѣ, подъ бюстомъ Бозіо, скрещиваются дубовая и оливковая вѣтви и высѣчена надпись:

„Alla sublime cantante
„La musica inconsolabile 1).

На лицевой грани мраморнаго постамента высѣчено:

**A la Mémoire
D'Angela Xindavelonis. née Bosio.**

Elle avait tout ce qu'on envie;
Elle reçut tout en naissant.
Tout, excepté la longue vie,
Elle est morte en la commençant!
La mort, jalouse de sa gloire,
Brisant un avenir si beau,
N'ensevelit pas sa mémoire
Sous le marbre de ce tombeau.
Elle n'est plus, sa gloire reste;
Dieu le veut, respectons ses loix;
Dans les anges du chœur céleste
Il manquait, sans doute, une voix! 2)

На задней грани постамента написано:

Née à Turin
le 20 Août 1829.
Décédée à St Pétersbourg
le 12 Avril 1859.
Priez pour Elle.

1) „Великой пѣвицѣ--неутѣшная музыка“.

2) Вотъ русскій переводъ этихъ трогательныхъ стиховъ—„Она имѣла все, чего желаютъ, она получила все со дня рожденія. Все, за исключеніемъ долгой жизни: она умерла, ее начавъ! Смерть—соперница славы, разбившая такую прекрасную будущность, не истребитъ памяти о ней изъ мрамора этой гробницы. Ее болѣе нѣтъ, но ея слава остается. Богъ такъ хочетъ, преклонимся предъ Его волею—въ небесномъ хорѣ ангеловъ безъ сомнѣнія не доставало одного голоса!“

Г-нъ Ксиндавелонисъ, жалѣвшій средствъ на лѣченіе Бозіо и затруднившійся перевезти ея прахъ на родину, повидимому, не принималъ участія въ матеріальныхъ затратахъ, связанныхъ съ сооруженіемъ этого памятника.

На правой грани написано:

A Ses Mânes
Son Mari et ses Frères.

Библиографія о Бозіо.

1. „Сѣверный Цвѣтокъ“, 1859 г. № 15.
2. „Ласточка“. 1860 г. № 1.
3. „Сѣверная Пчела“. 1861 г. № 79.
4. „Иллюстрація“. 1861 г. т. VIII № 197.
5. М—Л—въ. Итальянская опера въ П-гѣ. Сезонъ 1862—1863 г. „Современникъ“. т. XCIV. Отд. II.
6. Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Москва. 1874 года.
7. А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминанія. 1824—1870. СПб. 1890 г., стр. 120.
8. Русскій Біографическій Словарь.
9. Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона.

Сообщ. В. А. Бернацкій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

